

...А я маленький такой

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 апреля 2017

Body

От словосочетания «образ маленького человека» у филологов стойкая оскомина – а зря, ей-Богу. Неужто не любопытно, как и чем нынче живет почетный аксакал отечественной словесности?

ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ?

«Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит», – писал Петр Вайль. Хм. Сомнительное, на мой взгляд, утверждение. Сейчас попробую обосновать.

Закон отрицания отрицания еще никто не опроверг. Натуральная школа возникла как антитеза романтизму, и маленький человек, герой ее, был антагонистом байронита. И оттого обязан был вчистую уделать конкурента. Впрочем, началось все еще до Белинского со товарищи. Лермонтов противопоставил супермену Печорину человека Максима Максимыча, – и тот при внешней скромности и простоте во многом переигрывал демонического героя. Ежели этого примера мало, вспомните еще одну пару: капитана Тушина и князя Андрея. Первый при Шенграбене фактически спас русский арьергард, второй при Аустерлице неуклюже и безуспешно копировал Бонапарта на Аркольском мосту. Ну, и кто тут герой, а кто пародия?

Попробуйте отыскать архетипический фундамент образа, – рано или поздно набредете на какую-нибудь новозаветную сентенцию: *«Кто из вас меньше всех, тот будет велик»* (Лк., 9: 48); *«Будут последние первыми, и первые последними»* (Мф., 20:16); *«Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе»* (1-е Кор., 15: 43-44). Акакий Акакиевич Башмачкин – дивная тому иллюстрация: сгинув в немощи и унижении, восстал во славе, дабы вершить суд над сильными мира сего. Думаю, не без Божьего промысла: для христианнейшего Гоголя другие варианты были исключены.

Если говорить о чисто практических резонах, то тварь дрожащая в чистом, беспримесном виде – не лучший материал для беллетристики. Скучно-с, милостивые государи! Маленький человек обязан иметь за душой нечто глобальное, – хотя бы мечту о новой шинели. А без этого он в литературе не жилец. Поэтому классики наши, вполне по Блоку, добывали *«нечто более интересное, чем среднечеловеческое, из груди человеческого шлака»*. Маленький человек мог быть и отвратителен, – но отнюдь не ничтожен. Чеховский Беликов, сам того не ведая, стал серым кардиналом для коллег и соседей: пятнадцать лет держал в руках не только гимназию но и весь город. Маленький, говорите? Ну-ну.

Короче говоря, маленький человек лишь выглядел маленьким. Таковым и оставался вплоть до шукшинских мужиков, которым дано было горняя мудрствовать и горних искати.

А потом случилось страшное.

ВОССТАНИЕ МЕЩАН

В 30-е Ортега-и-Гассет сформулировал категорический императив XX века: восстание масс. Лет 70 спустя экономист Игорь Лавровский уточнил: восстание мещан. И оказался прав.

В очередной раз повторяю: все русские революции минувшего столетия были восстаниями среднего класса против аристократии – сперва дворянской, а затем номенклатурной. И всякий раз бунт затевала верхушка третьего сословия, а плодами пользовались мещанские низы. Примером тому сталинские кадровые ротации: доктора философии Савельева на посту редактора «Правды» сменил недоучка Мехлис: шесть классов коммерческого училища плюс Институт красной профессуры. Та же самая ситуация повторилась в 90-е, когда интеллектуальные и прекраснодушные прорабы перестройки канули в небытие, уступив ну о-очень эффективным менеджерам.

Аксиома: любая революция разрушает культурный слой. В 1923-м Левидов провозгласил организованное упрощение культуры и назвал означенное упрощение величайшим завоеванием Октября и подлинным прогрессом. Левидову осторожно вторил Чуковский, советуя коллегам адаптироваться к шкале читательской восприимчивости. Иван Молчанов сумел: *«И стягивает грудь тугую / Жакет изысканный у ней»*, – и стал всеобщим любимцем. Культурный контекст 90-х и нулевых был тождествен культурному контексту 20-х. С той лишь разницей, что громокипящих лозунгов никто не выдвигал – но культуру упростили так, что экстремисту Левидову и не снилось: труба все ниже, дым все жиже. Цитату не желаете для пущей наглядности? – *«Ноги воткнуты в правду, как в вазу»*. Автор, Сергей Соколкин – заслуженный работник культуры РФ. И лауреат шести литературных премий, чтоб вы знали.

Средний класс вовсе не чужд прекрасного. При одном условии: чтобы это, типа... короче, чтобы прикольно и не напряжно. Ничего другого он попросту не воспримет. Подробности у Горького: *«Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражений своей серой, мягкой и бессильной души»*. Ну, вы понимаете: Александр Шилов и Никас Сафронов, Стас Михайлов и разнообразные «Поющие тусовки», Дарья Донцова и Татьяна Устинова... *«Конечно же, новый класс несет с собой свою культуру. Постимперская интеллигенция еще упирается, не хочет на свалку истории. Но все громче звучит русский шансон. Прислушайтесь, и вы услышите музыку будущего»*, – резюмировал Лавровский.

К чему был этот теоретический экскурс? – да к тому, что маленький человек нынче далеко не Тушин. И даже не Беликов.

А подать сюда микроскоп!

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?

Предтечей нынешнего омещанивания литературы стал Довлатов. Именно он заложил эстетические принципы нового тысячелетия: опустил литературу до трепа, до анекдота (армейского, репортерского, богемного и т.д.), ликвидировал как класс идейные, стилистические и психологические новации, возвел апатию и абулию в ранг добродетелей и, как следствие, – полностью избавил читателя от интеллектуального и эмоционального послевкуся. Хотя вру, не полностью: читатель получал полное право на самолюбование – оказывается, его пыльная скука, его никчемная суета, его уцененные изменения и грошовое похмелье вполне достойны гранита и бронзы. Отсюда и запредельная популярность Довлатова: полная гармония с целевой аудиторией – насекомый герой для насекомой публики.

Довлатовский катехизис прост: а) не быть умнее читателя; б) микшировать эмоции; в) редуцировать жанры – трагедию до мелодрамы, комедию до ситкома. И будет тебе счастье, ибо пипл хавает, – от иного у него изжога.

Немудрено, что по этим принципам живет чертова уйма отечественных прозаиков, на все буквы алфавита: от Ануфриевой и Аствацатурова до Слаповского и Филипченко.

НИЩИЕ ДУХОМ

Маленький человек в его классическом изводе обязан был подняться до высот, как Тушин или ринуться в бездну, как Передонов. Нынче такие синусоиды персонажам заказаны: шаг влево, шаг вправо – смертный грех. Иные времена, иные нравы. Ибо условия диктует шкала читательской восприимчивости. Или, современным языком выражаясь, консьюмеризм. Можете смеяться, но архетипическая основа тут опять-таки новозаветная: *«Блаженны нищие духом» (Мф., 5:3)*. Со всеми вытекающими: *«И пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1-е Кор., 13: 8-9)*.

Прошу прощения за перебор с цитатами, но тут не обойтись без Константина Леонтьева: *«Не позволены уже более ни Бисмарки, ни Талейраны, ни Ришелье, ни Фридрихи и Наполеоны... Но что делать поэту и художнику в этой мастерской?.. Они и без того задыхаются»*.

Философ ошибся в одном: не задыхаются. Вакуум стал питательной средой современной прозы. Закон Ломоносова-Лавуазье? – как говаривал легендарный начдив, наплевать и забыть: из ничего каждый день возникает нечто. За символом веры милости прошу к Саше Филипченко: *«Я не посадил дерева. На хрена? Не построил дом, не завел сына... Я не создал свой бизнес. Я ничего вообще не оставил после себя. Я никогда не хотел власти... Я влюблялся без памяти, и всякий раз мне казалось, что это та самая, единственная и настоящая любовь, но уже к вечеру, качественно подрочив, я понимал, что любовь ничего не стоит...» («Замыслы»)*.

Ономастика, кстати, говорит о многом, коли не обо всем. 30-летний автор именуется себя (а заодно и протагониста) Сашей. Натуральное челобитие допетровских времен: *«Сашка сын Филипченков, детинишка сирый и беззаступный»*, – унижение паче гордости...

Извините, отвлекся. Так вот, о бледной немочи воистину проще всего рассуждать апофатически: не был, не участвовал, не состоял. Оттого содержания у подобной прозы нет. Есть содержимое: нудные нарративы в духе Сенчина и Матвеевой, тусклая агиография на манер Скульской и Москвиной. До логического конца тему довел Дмитрий Данилов в полупародийном *«Горизонтальном положении»*: *«Очень позднее пробуждение.*

Вялое, полусонное изучение опубликованных в Сети материалов о митрополите Кирилле, который вот-вот должен стать Патриархом. Неизбежный, неотвратимый сон», – и так 320 страниц подряд...

У Данилова это постмодернистский стеб, никак не больше. Зато у Александра Снегирева – канонический принцип. Снегирев уже добрый десяток лет пишет о том, как Саша сделал обрезание, как Костян пошел за пирожками с мясом, а Гриша учился подмигивать незнакомым девушкам. То есть, в итоге, ни о чем. Одноклеточный герой мастурбирует в солярии («Нефертити»), до одури пьет кофе на избирательном участке («Выборы»), делает татуировку («Любовь»), а прочее от лукавого. Духовные взлеты – никак не выше плитуса: *«К обеду мы порядком напились. Захотелось отлить. Нырнув в первую попавшуюся арку, мы оказались в тихом, безмятежном дворике. Встав возле мусорных баков, мы расстегнулись. “Удивительно, – подумал я, – как мало надо двадцатилетнему парню для счастья – отлить в хорошей компании”. Я посмотрел на Витьку глазами, полными крепкой мужской дружбы. Он ответил мне тем же, и мы принялись соревноваться, у кого длиннее струя» («Зайчик, который живет под снегом»).*

У Олега Зайончковского проектировщик по имени Тимоша (вновь характерная литота), на первый взгляд, выгодно отличается от снегиревских «городских бездельников»: пишет прозу, *«обстоятельную и неяркую»*. Однако автор упоминает об этом стыдливо и вскользь, предпочитая незатейливое бытописание: офисную рутину, сайты знакомств, коллекцию автомоделей, утреннюю миску овсянки... И только-то. Я же говорю: шаг влево, шаг вправо – побег, охрана открывает огонь на поражение.

Парадокс, но и неформалы работают по тем же самым чертежам, хотя уж им-то вроде бы сам Бог велел... Но от безликости не спасают даже сексуальные девиации. Мария Ануфриева в «Карнизе» занялась селекцией, скрестив квір с дамским романом. Синергия жанров не задалась (а у кого она вообще задалась?). Получилось вполне традиционное чтиво для домохозяйек с нетрадиционной ориентацией. Фабула «Карниза» стандартна для женского покетбука: инициация, то бишь цепь испытаний на пути к замужеству. Правда, испытания все, как на подбор, – одно другого скучнее: тараканы, служебные неурядицы, служебный же роман, выкидыш и промискуитет (отчасти однополый). Эпилог оборачивается сла-аденькой идиллией с поцелуями в дифрагму: *«Мы будем бежать с тобой по маковому полю, раскинув руки и смеясь, мама и сын. Только ты и я. Я видела, именно так на картинах бегут счастливые люди, смеются и смотрят в небо»*. Было из-за чего огород городить...

Маленький человек постсоветской литературы не просто мал, – он не мыслит для себя иного бытия и упивается собственной ничтожностью. Водолазкин в «Авиаторе», пропев осанну «не-событиям» вроде посиделок у самовара, подытожил: *«Если бы я был президентом, заставил бы население РФ вечерами играть в лото»*.

Ну да, шкала читательской восприимчивости. Предупреждал же Чуковский: *«За пределом ее сколько чудес или ужасов ни нагромождай, до читателя они не дойдут»*. Но право слово, господа, этак и до мышей недолго...

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

На язык просится эпитафия, да черт с ней – банально до невозможности. Лучше поделюсь кое-какими наблюдениями.

Маленький человек в своей инволюции не одинок. Героев в современной русской прозе днем с огнем не сыскать. Все мало-мальски заметные персонажи либо взяты напрокат у классиков (как прилепинский Саша Тишин), либо фэнтезийны (как крусановский Иван Некитаев).

А вот это повод поразмыслить – и вовсе не о литературе...

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 апреля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/04/malenkii-takoi>